

Sung Texts

Nikolai Medtner (1880-1951)

Sleeplessness

Complete Songs, volume 2

English translations by Henry S. Drinker

Opus 32 no.1

Эхо

(А. Пушкин)

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Opus 32 no.1

The Echo

(A. Pushkin)

Tho be it cry of baying hounds,
or hunting horn that ringing sounds,
or maiden's voice that gay resounds
behind the hill,
to each your answer quick rebounds,
and all is still.

You hear the thunder's rolling roar,
the voice of breakers on the shore;
the shepherds calling clear and true,
you answer too.
To you none answers more.
O poet, such are you.

Opus 32 no. 2

Воспоминание

(А. Пушкин)

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читаю жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Opus 32 no.2

Retrospect

(A. Pushkin)

When thru the world at last there comes
the close of day,
and streets are still for night's duration,
to man and beast comes sleep, to wait us far away,
for daily toil the compensation.
To me the silent hours move with feet of lead,
an endless time of weary waiting;
the serpent whispers to me words of doubt
and dread,
that sting with burning unabating.
My fancies boil, illusions fill my saddened brain,
with dismal thoughts all too abundant;
and memory unrolls its endless scroll again,
with faults and futile deeds redundant.
And as I read of my mistakes, I am aghast,
at dreary life and how to face it;
but this I know full well, that what has
passed it past,
nor can I change it, or erase it.

<p style="text-align: center;">Opus 32 no. 3</p> <p style="text-align: center;">Похоронная песня Иакинфа Маглановича (А. Пушкин)</p> <p style="text-align: center;">С богом, в дальнюю дорогу! Путь найдёшь ты, слава богу. Светит месяц; ночь ясна; Чарка выпита до дна.</p> <p style="text-align: center;">Пуля легче лихорадки; Волен умер ты, как жил. Враг твой мчался без оглядки; Но твой сын его убил.</p> <p style="text-align: center;">Вспоминай нас за могилой, Коль сойдёте как-нибудь; От меня отцу, брат милый, Поклониться не забудь!</p> <p style="text-align: center;">Ты скажи ему, что рана У меня уж зажила; Я здоров, — и сына Яна Мне хозяйка родила.</p> <p style="text-align: center;">Деду в честь он назван Яном; Умный мальчик у меня; Уж владеет атаганом И стреляет из ружья.</p> <p style="text-align: center;">Дочь моя живет в Лизгоре; С мужем ей не скучно там. Тварк ушел давно уж в море;</p>	<p style="text-align: center;">Opus 32 no. 3</p> <p style="text-align: center;">Message (A. Pushkin)</p> <p style="text-align: center;">Far from home are you, my brother, there with God you find another. Bright the moon had waxed and waned; To the dregs the cup is drained.</p> <p style="text-align: center;">Better thus than from a fever; Free you lived, and free you died. Slain your foe, - your son pursued him, as he fled in wanton pride.</p> <p style="text-align: center;">Do not let your heart forget us, brother dear, beloved and brave. Give our father all our greetings, there with you beyond the grave.</p> <p style="text-align: center;">Tell him all my wounds are mended, I am sound in ev'ry limb. I've a son, his name is Ivan, so called, tell him, after him.</p> <p style="text-align: center;">He will be, I'm sure, delighted, proud to hear of this my son. He can wield a sword already, shoot an arrow or a gun.</p> <p style="text-align: center;">Tho my daughter lives in Lisgov, she is happy with her man. Tvark's a sailor, dead or living,</p>

<p>Жив иль нет, — узнаешь сам.</p> <p>С богом, в дальнюю дорогу! Путь найдёшь ты, слава богу. Светит месяц; ночь ясна; Чарка выпита до дна.</p>	<p>You will know if any can.</p> <p>Far from home are you, my brother, there with God you find another. Bright the moon had waxed and waned; To the dregs the cup is drained.</p>
<p>Opus 32 no. 4</p> <p>Я вас любил (А. Пушкин)</p> <p>Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно, То робостью, то ревностью томим; Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим.</p>	<p>Opus 32 no.4</p> <p>I loved You Well (A. Pushkin)</p> <p>I loved you well, and still I think I love you, a latent spark yet smould'ring in my heart. Let not, however, this be on your conscience, to mar your peace, or cause you any smart. My love for you was silent, yes, was hopeless, With torture racked, now jealous and now shy. But yet I doubt if God in Heav'n will send you another love as pure and true as I.</p>
<p>Opus 32 no. 5</p> <p>Могу ль забыть то сладкое мгновенье (А. Дельвиг)</p> <p>Могу ль забыть то сладкое мгновенье, Когда я вами жил и видел только вас, И вальса в бешеном круженье Завидовал свободе дерзких глаз?</p> <p>А умолял: постой чудесное мгновенье! Вели, чтоб быстрый вальс вертелся не вертясь, Чтоб я не опускал с прелестной вечно глаз И чтоб забвение крылом одело нас...</p>	<p>Opus 32 no.5</p> <p>Waltz (A. Delvig)</p> <p>O moment of rapt'rous bliss! Can I forget it? I live alone for you, you only, only you! We two together, madly whirling, your bold, inviting eyes, that pierced me through! Let it not pass, but keep us dancing forever! We two together, ever faster, whirling on, my eyes mirrored in yours, in magic rapture thus, until oblivion enfold and cover us.</p>
<p>Opus 32 no. 6</p> <p>Мечтателю</p>	<p>Opus 32 no. 6</p> <p>To a Dreamer</p>

(А. Пушкин)

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд её кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие, рыдая, обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья, —
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья!
Нет, нет! в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, иступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой!
Довольно я любил; отдайте мне покой!»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

(A. Pushkin)

To surge in passion's mighty throes is your enjoyment,
with bitter tears to moan your plight,
imagined ecstasy your favorite employment,
to nurse despondency is your supreme delight.
Believe me, you indeed are but an idle dreamer,
you who but toy with loving are a mere blasphemer;
if love itself should ever chance to seize your soul,
to coil about your heart with pow'r beyond control,
if once its venom in your blood and veins were
seething,
if you yourself should ever truly feel its might,
and lie and yearn the whole long night,
with sleepless eyes and fevered breathing,
if you should come to know the agony of love,
and from your eyes the scalding tears were
really streaming,
believe me, you would have an end of make-believe and
idle dreaming.
Then, humble, meekly suppliant, and shorn
of all your tinsel armor,
you'd kneel before your haughty charmer,
and pray to all the gods above:
"Ye gods, I pray you give me back my reason,
that I no longer do or say I know not what.
Have mercy on me, pity my unhappy lot."
And yet, though love may be forgotten for a season,
't will never really be forgot.

Opus 36 no. 1

Ангел
(А. Пушкин)

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

Opus 36 no. 1

The Angel
(A. Pushkin)

At Heaven's gate there stood an Angel;
about her head a halo glowed.
A demon, filled with wrath and hatred,
flew over the gulf of Hell's abode.

Then he who scoffed at truth and beauty,
looked up and saw the Angle fair,
and in his heart for once was kindled
a Spark of Light that smouldered there.

"Not all in vain have I beheld thee,
and seen the Truth that glorifies!
Not all in Heav'n to me is hateful,
not all on earth do I despise."

Opus 36 no. 2

**Цветок
(А. Пушкин)**

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Opus 36 no. 2

**The Faded Flower
(A. Pushkin)**

A faded flower, dried and scentless,
forgotten in this book I see,
and lo, already, fancies thronging,
and musings strange come over me.

And when, and where and in what springtime
did you first bloom?- beneath what sky?
and who is was that stooped to pluck you?
and whose the hand that placed you there,
and why?

In mem'ry of a tender meeting?
or of a parting, fraught with pain?
or of an afternoon together,
in silent wood, of shady lane?

Are He and She among the living?
and where their little nook or bow'r?
or are they also dust and ashes,
forgotten like this faded flow'r?

Opus 36 no. 3

**“Лишь розы увядают...”
(А. Пушкин)**

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

Opus 36 no. 3

**When Roses Fade
(A. Pushkin)**

When roses are about to fade,
ambrosia fills the air;
their souls float to Elysium,
in peace forever there.

The drowsy waves roll onward,
far on thru Lethe's gloom,
to find in Paradise
all the roses again in bloom.

Opus 36 no. 4

Испанский Романс
(А. Пушкин)

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот вошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Opus 36 no. 4

Spanish Romance
(A. Pushkin)

The night is still, a soft breeze blows.
by field and hill the river flows.

Bright the moon, with golden aura.
Silence! Hark! Guitars I hear!
See the lovely young senora
On her balcony appear.

The night is still, a soft breeze blows.
by field and hill the river flows.

Doff your gay mantilla; veiling
Beauty fair as fairest rose;
thru the latticed iron railing
let there peep your little toes.

The night is still, a soft breeze blows.
by field and hill the river flows.

Opus 36 no. 5

**Ночь
(А. Пушкин)**

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

Opus 36 no. 5

**Night
(A. Pushkin)**

For you my voice is filled tonight with love
and longing;
the melody I sing disturbs the starry stillness;
alone by dreary candlelight I lie and yearn for you.
My song is all of you, with tender fervor glowing,
a stream of love, to you, devoted flowing.
From out the dark your radiant eyes look
down upon me;
they seem to smile at me as here I lie alone.
My dear, my dearest dear, my heart is all your own.

Opus 36 no. 6

**Арион
(А. Пушкин)**

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный чёлн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Opus 36 no. 6

**Arion
(A. Pushkin)**

Ah, there were many of us there;
the sailors heaving at the halyards,
the oarsmen pulling all together,
lustily rowing!
Not a sound the helmsman uttered, as with
sure hand he steered the heavy boat along,
while, free of care and full of hope, to them I sang.
Swift came the storm, and fierce the tempest
blared and bellowed.
They perished, all that motley crew.
But I alone am cast ashore, alone and saved,
mysterious singer.
Care-free I sing my song again.
I dry my clothes beneath the rock,
and lie and sing there in the sunshine.

Opus 37 no. 1

Бессонница
(Ф.И. Тютчев)

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятнй каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Opus 37 no. 1

Sleepless
(F. Tyutchev)

Monotonous the hours toll,
a weary tale for all who read it:
like conscience, clear to ev'ry soul,
yet strange to them who fail to heed it.

Who is there of us has not heard
its voice, thru endless hours of waiting,
in silence, tense and suffocating,
the moan of Time's prophetic word?

One well might think that orphaned nature
beneath resistless fate were prone,
and we, at war with all creation,
deserted, have been left alone.

And all our life is clear before us,
a ghost upon the brink of space,
and with our age and our companions,
is vanishing, to leave no trace.

A new young tribe, in vigour growing,
has meanwhile blossomed in the sun,
while we, our time, our friends and neighbours,
are swallowed in oblivion.

With weary repetition rolling,
the hours sound their dreary knell,
a melancholy cadence tolling
for us and ours a sad fare-well.

Opus 37 no. 2

Слёзы
(Ф.И. Тютчев)

Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётесь вы ранней и поздней порой...
Льётесь безвестные, льётесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льётесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Opus 37 no. 2

Tears
(F. Tyutchev)

Tears never ending, forever descending,
fall from the eyes of the mortals who mourn;
of sorrow portending, sad and heartrending,
vast inexhaustible deluge, from eyes forlorn,
fall like the torrents before 'tis light,
late in the autumn, in dead of the night.

Opus 37 no. 3

Моего тот безумства желал...
(А. Фет)

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блёстки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мёд благовонный - он мой, для меня,
Пусть другим он останется тонким лишь воском!

Opus 37 no. 3

Impromptu
(A. Fet)

He would have me go mad who invented this rose,
with its petals and stem and aroma so fragrant.
He would have me go mad who has woven
those braids,
so enchantingly rich, and the little curls vagrant.

So before my old age has descended on me,
and converted me into a hideous spectre,
I have flown over here with a buzz like a bee,
to get drunk on this fragrant and honeysweet nectar.

And the thought of this day, from all worriment free,
in my heart will preserve it perpetually sunny.
What for others is nothing but wax will for me
in my memory ever be sweet-scented honey.

Opus 37 no. 4

Вальс
(А. Фет)

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звёзды очей.

Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.

Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом.
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоём.

Opus 37 no. 4

Waltz
(A. Fet)

So lithe and so dainty and slender,
around with me whirling she flies;
so warm are her hands and so tender,
so warm are the stars in her eyes.

And yesterday noon ah, I saw her,
with her red cheeks all ashen and grey;
asleep and enshrouded in velvet
they took her and bore her away.

Ah! Ah!

High above thru my window,
pale like a ghost looks the moon.
I dream that we two are still dancing;
ah, how could it happen so soon?

Opus 37 no. 5

О чём ты воешь, ветер ночной?..
(А. Фет)

О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И ноешь и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
И с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Opus 37 no. 5

Night Winds
(F. Tyutchev)

And why your moaning, winds of night?
Of what do you complain so madly?
What means your eerie voice of fright?
that cries now harsh and now so sadly?

In words that speak to heart and soul
you tell of suffering unending;
again, with blast beyond control,
you groan and wail with voice heart-rending.

O sing you not such direful songs,
of worlds in ferment at creation!
How hungrily the dark soul longs
to hear these tales of desolation.

It yearns to leave this mortal breast,
with all the Infinite uniting.
Wake not the storms, but let them rest,
beneath is Chaos, dire and blighting!

Opus 45 no. 1

Элегия
(А. Пушкин)

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
И вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертные вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждёт на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;

Opus 45 no. 1

Elegy
(A. Pushkin)

I love your secret hidden flowers,
your twilight that so mystic gleams,
O poetry, thou gift of Heaven,
well-beloved child of blessed dreams.
You poets tell us that the shadows,
pellucid band from Lethe's firth,
descend again to seek the places
which were most dear to them on earth.
Unseen they visit haunts beloved,
a sleeping loved one each attends,
and in a vision thus appearing,
they comfort their deserted friends.
They wait, these loved ones in Elysium,
these shades with life immortal blest,
as mortals at a fam'ly banquet
await a tardy, welcome guest.

But yet, mayhap, this, too, is dreaming;
perhaps, when in my burial shroud,
I will forget all earthy feelings,
and all of which I am so proud.

<p>Быть может, там, где всё блистает Нетленной славой и красой, Где чистый пламень пожирает Несовершенство бытия, Минутных жизни впечатлений Не сохранит душа моя, Не буду ведать сожалений, Тоску любви забуду я...</p>	<p>Perhaps, where all is clothed in glory, in beauty that cannot decay, the sacred flame that shines eternal will burn the thought of earth away, my soul will lose life's transient image, 'mid all the beauty there above, know not regret, nor joy, nor yearning, forget the bitter pangs of love.</p>
<p style="text-align: center;">Opus 45 no. 2</p> <p style="text-align: center;">Телега жизни (А. Пушкин)</p> <p>Хоть тяжело подчас в ней бремя, Телега на ходу легка; Ямщик лихой, седое время, Везёт, не слезет с облучка.</p> <p>С утра садимся мы в телегу; Мы погоняем с ямщиком И, презирая лень и негу, Кричим: "Валяй по всем по трём!"</p> <p>Но в полдень нет уж той отваги; Порастрясло нас; нам страшней И косогоры и овраги; Кричим: "Полегче, дуралей!"</p> <p>Катит по-прежнему телега; Под вечер мы привыкли к ней И, дремля, едем до ночлега — А время гонит лошадей.</p>	<p style="text-align: center;">Opus 45 no. 2</p> <p style="text-align: center;">The Coach of Life (A. Pushkin)</p> <p>Although at times the load is heavy, ever the coach is on the go; without a halt it hastens forward, enmeshed in Time's eternal flow.</p> <p>At early dawn we urge the driver to spur the horses, fast and free; with ardor fired, we scorn to loiter, and shout: "The whip for them, all three!"</p> <p>But when 'tis noon, harassed and shaken, our fiery spirits grow more cool; we fear the curves and dread the ditches, and call: "Go easy there, you fool!"</p> <p>Yet all the while the coach rolls onward, and when our journey's end is nigh, we sit and doze, contented waiting, but faster yet the horses fly!</p>
<p style="text-align: center;">Opus 45 no. 3</p> <p style="text-align: center;">Песнь ночи (Ф.И. Тютчев)</p> <p>Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами; Настанет ночь - и звучными волнами Стихия бьет о берег свой.</p> <p>То глас её; он нудит нас и просит... Уж в пристани волшебный ожил чёлн; Прилив растёт и быстро нас уносит В неизмеримость тёмных волн.</p>	<p style="text-align: center;">Opus 45 no. 3</p> <p style="text-align: center;">Song of Night (F. Tyutchev)</p> <p>Around the globe the mighty seas extend, so thus is life engulfed in seas of dreaming. The night comes on, imagination teeming, the flooding tides of life ascend.</p> <p>Night calls us forth, with voice insistent urging, the magic bark is waiting at the shore; on somber waves, with swelling tide up-surfing, the great unknown our dreams explore.</p>

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,-
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

The vast abyss, the firmament unbounded,
with myriad stars reflected in its face,
looks up to where we float, our bark surrounded
by boundless void of flaming space.

Opus 45 no. 4

**Наш век
(Ф.И. Тютчев)**

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушён,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознаёт свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! - Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Opus 45 no. 4

**Our Time
(F. Tyutchev)**

'Tis not our flesh that now-a-days is weak;
the soul is soft, man desperately yearning.
He craves the light, and for the light would seek,
but finding it, rejects it undiscerning.

His lack of faith has scorched and dried his soul;
unending woe he bears in desolation.
He senses doom with faith the longed-for goal,
for which he will not pray in supplication.

And never will he say, in prayer and tears,
no matter how he mourns out-side the portal:
"I do believe! O help my faith in Thee
to open wide the gate to life immortal! O let me in!"